

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

РАЗ И НАВСЕГДА

ОБРЕСТИ НОВУЮ

СУДЬБУ ЗЕМЛИ



Давид СИКЕИРОС. Фрагмент фрески, посвященной освободительной борьбе народов Латинской Америки.

Выступления Габриэля Гарсиа Маркеса в Стокгольме при вручении Нобелевской премии 1982 года и Гюнтера Грасса в Риме при вручении международной премии, присуждаемой академией Деи Линчеи, были мало похожи на традиционные благодарственные речи. И совсем не похожи друг на друга, как не похожи друг на друга

и авторы этих речей — ни в своих книгах, ни в общественной деятельности. Однако в страстном желании служить человечеству, остановить занесенный над его головой ядерный меч едины сегодня и Габриэль Гарсиа Маркес, и Гюнтер Грасс, и все честные писатели планеты.

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ моряк Антонио Пигафетта, спутник Магеллана по первому кругосветному плаванию, оставил о нашей Южной Америке подробные путевые записи, которые кажутся, однако, плодом пылкого воображения. Он писал о свиньях, у которых был пуп на хребтине, о беззлых птицах, самки которых высасывали птенцов на спинах самцов, о других пернатых — вроде пеликанов, но без языка и с ложкообразным клювом. Об уродливом животном, головой и ушами похожем на мулу, телом на верблюда, ногами на оленя и ржавшем, как лошадь. Когда первого встреченного в Патагонии аборигена, рассказывал А. Пигафетта, поставили перед зеркалом, краснокожий исполин потерял рассудок — так его напугало его же собственное отражение.

Маленькая очаровательная книжка, в которой уже усматриваются зачатки нашей современной литературы, представляет собой самое удивительное описание нашего континента тех времен. Эльдorado — иллюзорная, столь желанная страна долгие годы фигурировала на многих картах, кочуя с места на место и меняя очертания в угоду фантазии картографов. В поисках источника вечной молодости отважный Альваро Нуньес Кабеса де Вака восемь лет разведывал север Мексики. Дело кончилось тем, что члены его безумной экспедиции сожрали друг друга, лишь пятеро из шестисот вернулись назад... Золотая лихорадка, охватившая первооткрывателей, мучила нас вплоть до недавнего времени. Еще в прошлом веке группа немецких экспедиций, которой было поручено изучить возможность строительства на Панамском перешейке межокеанской железной дороги, выдала заключение: проект рентабелен при условии, если рельсы будут изготовлены не из железа, металла в этом краю редкого, а из золота.

Завоевав независимость от испанцев, мы еще не вывелись от безумства. Генерал Антонио Лопес де Санта-Ана, диктатор Мексики, велел устроить пышные похороны своей правой ноги. Генерал Габриэль Гарсиа Морено шестнадцать лет правил Эквадором как абсолютный монарх. Когда он умер, его тело в парадном мундире было усажено в президентское кресло и выставлено для прощания вместе со всеми доспехами и регалиями диктатора. Генерал Максимилиано Эрнандес Мартинес — душитель Сальвадора, устроивший кровавую резню, в которой было уничтожено 30 тысяч крестьян, — выдумал нечто вроде отвеса, чтобы определять, не отравлена ли его пища. Он же велел обернуть красной бумагой уличные фонари для борьбы со вспышкой скарлатины. Памятник генералу Франсиско Морасану, что красуется на главной площади Тегусигальпы, является на деле статуей маршала Нейя, купленной в Париже на барахолке.

Одиннадцать лет назад чилиец Пабло Неруда, один из величайших поэтов нашего времени, озарил эти стены своим словом. С тех пор у нас не было ни минуты спокойствия. Даривший людям огонь президент погиб, окруженный в горящем дворце, сражаясь один против целой армии. В двух таинственных авиакатастрофах, причины которых так и не были исследованы, оборвались жизни другого президента с благородным сердцем и военного-демократа, вернувшего достоинство своему народу. Произошло пять войн и семнадцать государственных переворотов. К власти пришел диктатор-люцифер, который именем бога стреляет целую нацию. Двадцать миллионов латиноамериканских детишек — больше, чем родилось в Европе с 1970 года, — умерли в возрасте до двух лет. Число пропавших без вести, в ходе репрессий составило 120 тысяч человек — все равно, если бы сегодня вдруг кануло неизвестно куда все население города Упсала...

Из Чили, страны с сильными традициями гостеприимства, бежали миллион человек — 10 процентов населения. Из более чем 2,5 миллиона жителей крохотного Уругвая, считавшегося тем не менее самой цивилизованной страной континента, в изгнании находится каждый пятый. Начиная с 1979 года каждые двадцать минут один беженец покидает охваченный гражданской войной Сальвадор. Если заселить какую-нибудь страну одними только беженцами и эмигрантами из Латинской Америки, ее население превысило бы население Норвегии.

Я осмеливаюсь полагать, что именно эта горькая реальность, а не одно лишь ее литературное отображение, обратила на себя в этом году внимание Шведской академии словесности — не та реальность, что существует на бумаге, а та, в которой существуем мы и которая ежеминутно обрекает множество из нас на гибель, являя собой вместе с тем неиссякаемый, полный страдания и красоты источник творчества. В этом смысле ваш слуга — заблудший и тоскующий по родившемуся колумбиец — всего-навсего несчастливый, на которого пал жребий судьбы. Поэтам и нищим, музыкантам и проро-

Габриэль ГАРСИА МАРКЕС

ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО!

кам, воинам и мошенникам, всем нам, детям этой суровой реальности, почти не требуется воображения, потому что главная наша трудность — у нас нет средств для того, чтобы сделать нашу жизнь более правдоподобной. В этом, друзья, и кроется суть нашего одиночества.

Если эти трудности обескураживают даже нас самих, что же говорить о европейцах, восхищенных созерцанием достижений собственной культуры. Но не умеющих найти метода, с помощью которого можно было бы интерпретировать нашу жизнь! Понятна та настоятельность, с какой они пытаются мерить нас своими мерками, забывая при этом, что превратности жизни не для всех одинаковы и что наши поиски собственного пути не менее упорны и кровопролитны, чем их поиски. Интерпретация нашей действительности при помощи чужих схем способствует лишь все большему нашему отчуждению, утрате свободы и одиночеству. Быть может, достоянием Европа стала бы более понятливой по отношению к нам, если бы попыталась взглянуть на нас через призму своего прошлого. Вспомним, что Лондону понадобилось триста лет на возвращение городских стен и еще триста на то, чтобы завести собственного епископа; что Рим в течение двадцати веков прозябал в безвестности, прежде чем царь этрусков не ввел его в Историю; что столь мирные ныне швейцарцы, радующие нас нежными сырами и надежными часами, в XVI веке с жестокостью солдат удачи обгарили кровью Европу; что в разгар эпохи Возрождения 12 тысяч наемных ландскнехтов, служивших в императорских армиях, разграбили и опустошили Рим, вырезав 8 тысяч его жителей.

Я не хочу повторять иллюзии Тонио Крэгера, мечтам которого о рассудительном Севере и страстном Юге дал высокую оценку с этой трибуны Томас Манн 53 года назад. Думаю, что даже те европейцы, чей дух стремится к истине, еще не окажут нам помощи, просто пересмотрев, пусть и в корне, свой взгляд на нас. Одна только солидарность с нашими мечтами еще не поможет нам чувствовать себя менее одинокими, пока она не будет дополнена конкретными действиями в поддержку законной борьбы народов за свое место под солнцем.

Латинская Америка не желает и не должна быть безвольной шахматной пешкой. Не считаю химерой, что со временем ее стремление к независимости и саморазвитию станет также и стремлением Запада. Прогресс мореплавания, сокративший дистанцию между Америкой и Европой, похож, в то же время отделил нас друг от друга в области культуры. Почему оригинальность, которая безоговорочно признается за нашей литературой, с недоверием отвергается в сфере поисков социальных перемен? Почему считается, что

социальная справедливость, которую переловые европейцы пытаются утвердить в своих странах, не может быть целью латиноамериканцев, к которой те стремятся в иных условиях и иными методами?

Нашим ответом на угнетение, грабеж и измену стала жизнь. Ни потоп, ни голод, ни чума, ни прочие катаклизмы, ни даже нескончаемые многовековые войны не смогли свести на нет превосходство жизни над смертью. Это превосходство растет, причем все быстрее. Ежегодно на свет появляется на 74 миллиона человек больше, чем умирает, — это в семь раз больше населения Нью-Йорка. Большинство из них рождаются в слаборазвитых странах, к которым, разумеется, относятся и страны Латинской Америки. И, напротив, самые богатые страны накопили такую разрушительную мощь, которая способна уничтожить сто раз не только все человечество, но и все живые существа, обитавшие когда-либо до сего дня на этой многострадальной планете.

Как-то, в такой же день, как сегодня, мой учитель Уильям Фолкнер сказал в этом зале: «Я отказываюсь принимать конец человека... Человек не просто выстоит, он восторгается». Я не счел бы себя достойным занять это место, если бы совершенно отчетливо не сознавал, что впервые с момента происхождения человека та чудовищная катастрофа, в которую Фолкнер отказывался верить 32 года назад, стала сегодня не более чем элементарной возможностью для науки. Перед лицом столь ужасной опасности, которая на протяжении всей человеческой истории казалась утопией, мы, писатели, способные поверить во все, сохраняем за собой право надеяться, что еще не поздно предпринять попытку создать утопию, прямо противоположную по смыслу. Новую, увлекательную утопию жизни, где никто не сможет распоряжаться судьбой другого, где любовь будет по-настоящему верной, а счастье возможным и где поколения, от рождения приговоренные к ста годам одиночества, обретут раз и навсегда новую земную судьбу.